

К. П. Обозный

Протоиерей Ливерий Воронов: материалы к биографии

Обозный Константин Петрович, канд. ист. наук, доцент, декан исторического факультета, зав. кафедрой церковной и социальной истории СФИ (Москва; Псков) / Obozny Konstantin Petrovich, Ph.D. in History, Associate Professor, Dean, Faculty of History, Head of the Department of Church and Social History, St. Philaret's Institute (Moscow; Pskov) • suhoput2006@ya.ru

Обозный К. П. Протоиерей Ливерий Воронов: материалы к биографии // Вестник Свято-Филаретовского института. 2021. Вып. 38. С. 124–159.
DOI: 10.25803/26587599_2021_38_124

Статья посвящена малоизвестным эпизодам жизни и служения профессора-протоиерея Ливерия Воронова. Первая часть исследования обращается к тому времени, когда он начал свое церковное служение на оккупированной территории Ленинградской области в составе Псковской миссии. Его церковная и миссионерская деятельность завершилась в Таллине в октябре 1944 г. арестом, следствием и судом. Отец Ливерий Воронов не признал свою вину по обвинениям в антисоветской деятельности и сотрудничестве с немецкими спецслужбами, но, несмотря на это, был приговорен к 15 годам заключения в ИТЛ. После освобождения о. Ливерий вернулся к церковному служению и духовному образованию. В трудное время антирелигиозной кампании он завершил обучение и в 1961 г. стал преподавателем Ленинградской духовной академии. В это же время началась его работа в Отделе внешних церковных сношений под началом митр. Никодима (Ротова). В начале 1970-х годов происходит ряд событий, которые послужили основанием для увольнения о. Ливерия из ОВЦС и Учебного комитета РПЦ МП, а затем осложнению отношений с Издательским отделом МП. Насколько было возможно в этих трудных ситуациях, он находил поддержку у митр. Никодима. В то же время прот. Ливерий был последовательным и принципиальным

© Обозный К. П., 2021

в своем служении на ниве духовного образования и церковной науки. До последних дней профессор-протоиерей Ливерий Воронов сохранял преданность академии и любовь к своей матушке Екатерине Вассиановне. Он оставил о себе добрую благодарную память у своих студентов и учеников, много послужил тому, чтобы даже в советских условиях духовная академия северной столицы была лучшей духовной школой РПЦ МП.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: протоиерей Ливерий Воронов, Псковская православная миссия, Ленинградская духовная академия, митр. Никодим (Ротов), Отдел внешних церковных сношений Московского патриархата.

Введение

История Русской православной церкви прошлого столетия, как и история советского общества и государства, наполнены трагическими событиями и фактами, оставившими глубокие травмирующие следы в коллективной памяти народа. Однако во все времена в народе и церкви оставались верные служители Истины, те, кто своей жизнью и своим выбором помогали осуществляться словам Священного писания о том, что «свет во тьме светит и тьма не объяла его»^{*1}. Таких людей в России XX в. было не так уж мало, иначе торжество тьмы стало бы абсолютной реальностью. Один из них — профессор-протоиерей Ливерий Аркадьевич Воронов. Жизнь и деятельность этого человека безусловно заслуживают монографического исследования, однако основательных работ, посвященных прот. Ливерию, пока не написано. Помимо юбилейных и некрологических заметок в церковной прессе¹, можно отметить небольшой биографический очерк в «Православной энциклопедии», составленный прот. Николаем Преображенским [*Преображенский, 10*], а также упоминания об о. Ливерии в книгах М. В. Шкаровского и архим. Августина (Никитина). Настоящая статья не претендует на создание целостного исторического портрета прот. Ливерия Воронова, но предлагает несколько важных «штрихов» к его биографии. Восстановить ранее неизвестные страницы жизни о. Ливерия позволили изыскания в архиве Санкт-Петербургской епархии, где хранится «Личное дело протоиерея Воронова Ливерия Аркадьевича», и в Архиве УФСБ РФ

*1 Ин 1:5

1. См. подробнее: [*Профессору ЛДА; Рассказовский; Кончина прот. Ливерия*].

1. Ливерий и Екатерина Вороновы (конец 1930-х годов).

по Псковской области, где находится следственное дело в отношении членов Управления православной миссии в освобожденных областях России.

Становление

Ливерий Аркадьевич Воронов родился в тот год, когда история России сделала крутой поворот и стремительно последовала к катастрофической фазе своего развития. За полгода до вступления

Российской империи в великую войну в семье служащих Вороновых в Ораниенбауме Петербургской губернии родился мальчик, которого назвали редким именем Ливерий, что в переводе с латыни означает «свободный». Его отец Аркадий Васильевич — выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета; мама — Вера Дмитриевна (в девичестве Быстрова) происходила из духовного сословия. Ее родной брат преосв. Феофан (Быстров) в 1909–1910 гг. был ректором столичной духовной академии, как архиепископ Полтавский и Переяславский принял участие в Поместном соборе 1917–1918 гг., а в 1919 г. вынужден был оставить родину. Свой жизненный путь завершил во Франции в феврале 1940 г. Родственником Ливерия Воронова по материнской линии был также еп. Сергей (Тихомиров), некоторое время занимавший пост ректора Петербургской духовной академии, а с 1908 г. трудившийся в японской православной миссии в Токио².

В 1930 г. Ливерий Аркадьевич окончил школу и ФЗУ при Охтинском химкомбинате, после чего работал электрохимиком в Государственном институте прикладной химии. В 1933 г. он поступил в Ленинградский химико-технологический институт. Блестяще завершив обучение, в ноябре 1939 г. Воронов поступил в аспирантуру ЛХТИ по кафедре физхимии. Правда завершить обучение и защитить научную работу ему не удалось, так как в связи с начавшейся войной он был отчислен. По одной версии это произошло из-за готовящейся эвакуации института. По другим источникам отчислен Ливерий Аркадьевич был за свои религиозные взгляды. Действительно, успехи в учебе в школе и институте не вытесняли, а может быть, и укрепляли тягу к духовному образованию. В то время в СССР уже не было духовных школ, поэтому Ливерию Воронову приходилось заниматься богословским самообразованием под духовным руководством прот. Николая Чукова. В этот ранний период начинающий богослов пишет два текста: «Бытие» и «Жизнь».

Перед войной Ливерий Аркадьевич сочетался браком с Екатериной Вассиановной Лебедевой, дочерью священника. Жизнь четы Вороновых круто изменилась с началом войны. Летом родители Ливерия Аркадьевича проживали за городом на даче на ст. Вырица Красногвардейского (ныне Гатчинского) района.

2. После смерти свт. Николая Японского еп. Сергей (Тихомиров) управлял православной церковью в Японии вплоть до своей кончины в августе 1945 г.

21 августа 1941 г. Воронов вместе с супругой уехал из Ленинграда навестить родителей, а вернуться не смог из-за разрушений на железной дороге. Внезапный прорыв фронта привел к тому, что 30 августа в Вырицу вошли немецкие войска. Так начался новый период жизни Ливерия Воронова на оккупированной территории.

Служение в Псковской православной миссии

Легальная церковная жизнь накануне войны в Ленинградской области практически прекратилась. Храмы были закрыты, духовенство либо было уничтожено, либо находилось в тюрьмах и лагерях, и только небольшое число клириков, не имевших возможности открыто служить, трудились на гражданской службе или находились на попечении родственников и старались не напоминать советскому обществу о церковной странице своей биографии. С началом немецкой оккупации верующие жители начали открывать храмы, проводить в них ремонт и благоукрашивать, приглашать священников для освящения церквей и дальнейшего совершения богослужений. Оккупационная администрация не препятствовала стихийному церковному возрождению, занимая выжидательную позицию и одновременно используя церковный вопрос в своих пропагандистских проектах. В это время в Вырице действовало несколько приходов. С первых дней оккупации была открыта церковь Казанской иконы Богородицы. Как и многие мирные жители, хранившие веру, Ливерий Воронов активно участвовал в восстановлении церковной жизни. Он входил в приходскую общину, пел на клиросе и помогал псаломщику в Казанской церкви. Настоятелем этого прихода в 1941 г. был престарелый прот. Владимир Богданов. В 1935 г. по приговору суда он был выслан из Ленинграда и, несмотря на советские репрессии, дожил до возможности открытого священнослужения.

Всю осень Вороновы оставались в Вырице, однако отсутствие работы и начавшийся голод не позволили надолго задержаться в этом месте. 14 декабря 1941 г. чета Вороновых перебралась в село Загородицы Оредежского района Ленинградской области, где Ливерий Аркадьевич сразу же начал служить в качестве псаломщика в храме св. Флора и Лавра. Такой выбор был вполне понятен. В период оккупации деревенская жизнь была более обеспеченной, поэтому горожане отправлялись в деревню за продуктами, а порой и переезжали на постоянное жительство из городов

в села и деревни. Это было связано с тем, что крестьяне уже летом 1941 г. стихийным образом отказались от колхозной системы ведения хозяйства, разделили колхозную землю, скот и инвентарь.

В марте 1942 г. по приглашению священника Николая Михайловича Попова Вороновы переехали в деревню Печково Оредежского района. Здесь в храме св. Климента Ливерий Аркадьевич служил псаломщиком. Однако в июле того же 1942 г. по распоряжению Лужского благочинного прот. Николая Заблоцкого священник Николай Попов и его псаломщик Ливерий Воронов были переведены для дальнейшего служения в Дмитриевскую церковь с. Городня Батецкого р-на Ленинградской области. В конце 1942 г. Ливерий Воронов по указанию благочинного Заблоцкого был направлен в Псков в Управление Псковской православной миссии для рассмотрения вопроса о возможном рукоположении в пресвитерский сан.

Город Псков в годы немецкой оккупации стал церковным центром всех оккупированных северо-западных территорий. Вся церковная жизнь военного периода современных Псковской, частей Новгородской и Ленинградской областей находилась в ведении «Православной миссии в освобожденных областях России». В середине 1942 г. были официально утверждены благочиннические округа. Управление миссии назначало и благочинных, и настоятелей приходов. К совершению богослужения могли приступать лишь те клирики, которые получили для этого из Пскова необходимое свидетельство. Осенью 1942 г. был выпущен специальный циркуляр, который предписывал благочинным проводить тщательную проверку прав на священнослужение подведомственного духовенства и составлять послужные списки. Эта мера должна была предотвратить проникновение на приходы самосвятов или апостатов³, а также установить юрисдикционный статус кандидата. Псковская миссия, как и ее руководитель — митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский), на протяжении всего периода оккупации оставались в юрисдикции Московской патриархии, потому что духовенство из числа обновленцев, «непоминающих» или представителей зарубежной церкви не допускалось к совершению богослужения в храмах, подведомственных Псковской миссии.

Начальник Управления Псковской миссии прот. Кирилл Зайц получил из Риги из экзаршей канцелярии подробную инструк-

3. См. в [Обозный].

цию для проверки лиц, претендующих на служение: «Где и от какого епископа получили посвящение? Где служили до последнего времени? Если не служили, то почему? Всякий, выставляющий свою кандидатуру, должен заполнить подробную анкету с подробными биографическими данными» [*Следственное дело 1, 96*]. Кроме того, членам Управления следовало «выяснить священство ли как таковое его привлекает или что-нибудь другое? Если он кается в бывшем заблуждении, то искренне ли покаяние его?» [*Следственное дело 1, 96*].

Ливерий Аркадьевич Воронов, приехав в Псков, направился в кафедральный Свято-Троицкий собор, где в помещении дома причта размещалось Управление православной миссии. Здесь состоялось знакомство и предварительный разговор с заведующим канцелярией свящ. Николаем Жундой, а затем Воронов встретился для собеседования с заместителем начальника Управления миссией прот. Иоанном Легким. По-видимому, впечатление, которое произвел Ливерий Аркадьевич на собеседника, было вполне благоприятным. Он предложил Воронову возвращаться в Оредеж и ожидать вызова в Псков для посвящения в пресвитерский сан [*Следственное дело 6, 1322*]. Псковская миссия испытывала серьезный дефицит в духовенстве. В последний период работы миссии в ее штате числилось около 175 священников и дьяконов, а количество действовавших приходов приближалось к отметке 400. Православным священникам — членам Псковской миссии — одновременно приходилось окормлять несколько приходов, как правило, расположенных в радиусе 20–30 км [*Ионов, 233–234*]. В оккупационной прессе Северо-Запада России регулярно появлялись объявления с приглашением священнослужителей на работу в Псковскую миссию. В такой ситуации Ливерий Аркадьевич Воронов, молодой интеллигентный человек, имевший высшее светское образование, практический литургический опыт и глубокую веру, был весьма перспективным для священнического служения. К этому следует добавить, что в конце 1942 г. в Вильно началось преподавание на богословских курсах, которые открылись трудами экзарха Сергия (Воскресенского). Главной задачей этой духовной школы была подготовка священников-миссионеров для служения на русских территориях, занятых немецкими войсками. Среди студентов богословских курсов было немало людей молодого и среднего возраста, приехавших в Вильно из Пскова, Порховского, Островского и Гдовского районов. Можно

предположить, что руководство миссии не стало рекомендовать Ливерию Воронову обучение на богословских курсах не только потому, что нужно было срочно пополнять число клириков, но и потому, что кандидат имел достаточно хорошую подготовку для принятия сана, которая началась еще в Ленинграде в предвоенные годы.

Второй раз Ливерий Воронов оказался в Управлении миссии вместе со священником Николаем Поповым в начале января 1943 г. Это было связано с их переводом из Лужского благочиния на приход с. Мельницы Середкинского района Гдовского благочиния. Здесь Воронов продолжал свое служение псаломщика до светлой седмицы 1943 г., когда пришел вызов в Управление миссии. В эти дни Псков посетил митр. Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский), глава Прибалтийского экзархата, который был не только инициатором Псковской миссии, но и временно управляющим епископом оккупированных районов Ленинградской епархии. При этом в самом Ленинграде находился епископ этой области митр. Алексей (Симанский); его церковная власть юридически сохранялась, но фактически осуществлялась в районах, занятых немецкими войсками, не могла из-за линии фронта, разделившей его епархию. В свою очередь, экзарх Прибалтики в августе 1941 г. допустил вмешательство в дела чужой канонической территории, руководствуясь указом № 362 высшей церковной власти во главе с патриархом Тихоном от 20.11.1920 г. Это указ о децентрализации церковного управления или самоуправления епархий. Он гласил, что в случае если церковная область окажется вне общения с Высшим церковным управлением или церковный центр прекратит свою деятельность, то

...епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях [Регельсон, 68–69].

Если же соседние епархии останутся без правящего епископа, то предусматривалось объединение нескольких епархий в митрополичий округ под началом одного епископа. Подобная ситуация сложилась осенью 1941 г. в той области, где свою успешную работу проводила Псковская миссия. Митрополит Сергей (Воскресенский) вынашивал идею о посвящении псковского епископа, даже рассматривал несколько возможных кандидатур, однако вплоть

до эвакуации миссии в феврале 1944 г. он сам фактически был правящим епископом для церковной области оккупированного Северо-Запада России. Совершение дьяконских и пресвитерских хиротоний экзарх Прибалтики также проводил для кандидатов в священнослужители Псковской миссии. В каких-то случаях эти кандидаты из оккупированных областей России приезжали для поставления в Ригу. Во время редких визитов в Псков митр. Сергей совершал таинство священства в Свято-Троицком кафедральном соборе. Всего за 1942–1943 гг. для Псковской миссии экзарх Сергей рукоположил более двадцати человек, среди которых оказались и Ливерий Воронов.

На светлой седмице 1943 г. Ливерий Воронов был срочно вызван из Мельниц в Псков. Перед рукоположением состоялась беседа с митр. Сергием, после чего 24 апреля за литургией в Свято-Троицком кафедральном соборе экзарх Сергей рукоположил Ливерия Воронова в дьякона, а 26 апреля в этом же соборе — в сан пресвитера. Отец Ливерий остался для служения в Псковском кафедральном соборе. Кроме того, в мае 1943 г. указом экзарха Сергия он был назначен исполняющим обязанности начальника канцелярии Псковской православной миссии с правом присутствия на заседаниях, но без права решающего голоса. Способности и уровень подготовки о. Ливерия оценили высоко, и в июне он был назначен младшим ревизором миссии, что соответствовало должности второго заместителя начальника Управления Псковской православной миссии протопр. Кирилла Зайца.

В Пскове о. Ливерий Воронов оставался недолго — до августа месяца, когда был переведен для служения в Гдов в Афанасьевскую церковь (28.08.1943). Можно предположить, что это назначение не было случайным. Благодичным Гдовского округа до июля 1943 г. был один из наиболее ярких миссионеров о. Иоанн Легкий. По состоянию здоровья он вернулся в Ригу. Именно он впервые провел в Управлении Миссии собеседование с Вороновым и знал его лично. Возможно, что именно по его рекомендации о. Ливерий получил назначение в Гдовское благочиние. В условиях острого недостатка духовенства, назначение молодого священника было весьма важным делом для укрепления православного клира в этом районе (летом 1943 г. в Гдовском районе постоянно служили 5 священников и один дьякон).

Осенью 1943 г. ситуация в немецком тылу становится тревожной. Началась эвакуация мирного населения из районов,

приближенных к германской оборонительной линии «Пантера». Все чаще и чаще активно проявляли себя советские партизаны. В большинстве случаев к священнослужителям они были настроены негативно, как к пособникам оккупационного режима. Не было исключением и Гдовское благочиние. В связи с увеличением такого рода рисков, некоторые члены миссии по распоряжению экзарха Сергия переезжали для дальнейшего служения из прифронтовых областей России в епархии Прибалтийского экзархата. Отец Ливерий 15 ноября 1943 г. переехал в Нарву, где служил в штате Спасо-Преображенского собора. В феврале 1944 г. о. Ливерий вместе с матушкой переехал в Таллин, где был определен для служения в Никольском храме. Кроме этого, о. Ливерий вместе с протодьяк. Феодором Юдиным, который также эвакуировался из Гдовского района, совершали пастырские поездки в места проживания русских беженцев в Эстонии. В Ревельской газете «Северное Слово» была опубликована небольшая заметка о регулярных поездках миссионеров в город Феллин (совр. Вильянди). По воскресным и праздничным дням о. Ливерий и протодьяк. Феодор совершали богослужения для православного русского населения в обычном доме, поскольку православного прихода в городе не было [*Богослужение*]. Православное духовенство Феллина, а в его числе и о. Ливерий, оказывало материальную и духовную помощь узникам лагеря военнопленных, опираясь при этом на поддержку благотворительного общества «Русская Помощь» [*Преображенский*]. По свидетельству прот. Николая Преображенского, когда в сентябре 1944 г. Красная армия вошла в Эстонию, семья Вороновых получила предписание оккупационных властей прибыть на сборный пункт для принудительной эвакуации в Германию. Чтобы избежать отправки на запад, о. Ливерий с супругой выехали в Таллин, где укрывались благодаря помощи знакомых вплоть до завершения немецкой оккупации [*Преображенский*].

Репрессии

Осенью 1944 г. после освобождения Ленинградской области и Прибалтики от германских войск начались массовые аресты всех подозрительных граждан, в категорию которых неизбежно входили православные священно- и церковнослужители. В первую очередь были арестованы сотрудники Управления Псков-

2. Ливерий Аркадьевич Воронов, следственное фото (октябрь 1944 г.).

ской православной миссии, наиболее активные миссионеры и благочинные. По подсчетам петербургского исследователя Н. А. Ломагина по делу миссии было арестовано 37 человек [Ломагин, 538]. Однако по нашим подсчетам в сталинских лагерях в 1945–1955 гг. находилось не менее 55 клириков и мирян из состава Псковской миссии (в реальности их число может достигать 80 человек, так как судьбы отдельных лиц после ареста сотрудниками НКГБ до конца не выяснены).

Ордер на арест о. Ливерия и на обыск в квартире Вороновых в Таллине по адресу ул. Кокту 10, кв. 4 был подписан 26 октября 1944 г. Однако из следственных документов следует, что первый допрос Воронова прошел 24 октября, до официального распоряжения об аресте. Первый допрос начался в 2 часа 30 минут и завершился утром в 8 часов 30 минут. Постановление об избрании меры пресечения подозреваемому Воронову было подписано 25 октября, а через десять дней следователь спецотдела УНКГБ Ленинградской области капитан госбезопасности Кулаков предъявил о. Ливерию обвинение в том, что он

...являлся секретным агентом немецких контрразведывательных органов, по заданию которых занимался выявлением и предательством просоветски настроенных людей и сбором шпионских сведений в пользу фашистской

Германии. В силу своих враждебных побуждений — к советскому строю, систематически проводил среди населения антисоветскую и пораженческую пропаганду, направленную против существующего в СССР государственного строя [*Следственное дело 6, 1336*].

В итоговой части этого документа было предложено привлечь Воронова Ливерия Аркадьевича в качестве обвиняемого по статьям 58-1а и 58-10 ч.2. УК РСФСР («измена Родине» и «антисоветская агитация и пропаганда») [*Следственное дело 6, 1336*].

После ознакомления с обвинением подследственный Воронов ответил: «Предъявленное обвинение мне понятно, виновным себя не считаю, так как я никакого преступления против советской власти не совершал» [*Следственное дело 6, 1337*]. Этот ответ о. Ливерий неизменно повторял на всех допросах, очных ставках и даже на судебном заседании. Нужно отметить, что некоторые допросы, судя по отметкам на листах следственного дела, продолжались по 8–12 часов. Результатом этих многочасовых «бдений» могли быть одна-полторы странички рукописного текста протокола. Это говорит о том, что допросы проводились с применением психологического и физического воздействия на подследственного. Однако следователь так и не смог добиться поставленной задачи. Воронов не изменял своим первоначальным показаниям и в который раз упрямо отвечал: «контрреволюционной деятельностью я не занимался» [*Следственное дело 6, 1352*].

По приговору военного трибунала войск НКВД Ленинградского округа от 12–15 января 1945 г. о. Ливерий Воронов и другие сотрудники Управления Псковской миссии были приговорены к лишению свободы в ИТЛ. Протопресвитер Кирилл Зайц, священник Николай Жунда и Иван Амосов получили по 20 лет каждый, с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет. Протоиерей Николай Шенрок, священник Ливерий Воронов, Андрей Перминов и Георгий Радецкий были осуждены на 15 лет заключения, с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества.

На заседаниях суда Воронов вновь отказался признать себя виновным в предъявленных обвинениях. Это факт, естественно, никак не повлияло на решение суда, которое было заготовлено еще осенью 1944 г. при аресте.

Отец Ливерий благодаря своей квалификации отбывал заключение в Особом конструкторском бюро судостроения в Ленинграде. В конце 1947 г. он был перемещен в закрытое предприятие Норильского горно-металлургического комбината [*Преображенский*].

После смерти Сталина начались процессы амнистии, в том числе осужденных по политической 58-й статье. По делу осужденных членов Управления Псковской миссии 8 августа 1956 г. состоялось заседание военного трибунала Ленинградского военного округа. Поводом к нему стали жалобы репрессированных и надзорный протест военного прокурора Ленинградского округа по делу осужденных миссионеров. В итоге было принято решение приговор января 1945 г. отменить, дело прекратить и немедленно освободить из-под стражи членов миссии. До этого дня дожили четверо из семи осужденных по групповому делу членов Управления Псковской миссии, в том числе о. Ливерий Воронов.

Приведем наиболее значимые цитаты из Определения военного трибунала с оправдательными формулировками в отношении о. Ливерия:

Осужденный Воронов, не признававший предъявленное ему обвинение, на допросе 25 июня 1956 года также не признал антисоветскую деятельность и принадлежность к немецким разведорганам и показал, что он не признавал себя виновным, несмотря на жесткий нажим следователя Кулакова, а также и на суде [*Следственное дело 7, 193*].

Свидетели по делу миссионеров также были передопрошены, и через двенадцать лет после окончания следствия они не подтвердили свои показания, данные в 1944 г.⁴

После освобождения о. Ливерий вместе с матушкой Екатериной поселился в Вологде, где полтора года (1956–1957 гг.) служил в кафедральном храме Рождества Богородицы, а матушка пела в хоре. Наконец исполнилась заветная мечта Ливерия Аркадьевича о приобретении духовного образования. За этот небольшой отрезок времени о. Ливерий с отличием сдал все зачеты по курсу Ленинградской духовной семинарии. В 1957 г. Воронов поступил на очное обучение в Ленинградскую духовную академию, после

4. Особо следует остановиться на том, что в этом документе признавались факты насилия и клеветы при ведении следствия над членами Псковской миссии: «При проверке дела установлено, что бывшие оперативные работники УНКВД Ленинградской области Имбрат, Соколов и Подчасов, принимавшие непосредственное участие в расследовании настоящего дела, систематически допускали нарушения социалистической законности и фальсификации дел, за что привлекались к ответственности». При этом офицеры юстиции,

пересматривая дело миссионеров, не смогли удержаться от критического высказывания в адрес «церковников»: «Проверкой также установлено, что Зайц и Жунда проявляли недовольство советским строем в связи с тем, что якобы в СССР притесняли священников и не было полной свободы богослужения. Но эти и другие заявления Зайц и Жунда, хотя и неправильные, не содержат в себе преступления, предусмотренного ст. 58 — 10 ч. II УК РСФСР» [*Следственное дело 7, 193–194*].

чего переехал для учебы и служения в Ленинград. Заслуживает нашего внимания то, что хотя и амнистированный, но все же «враг советской власти», сначала получил место церковного служения в областном центре, а затем и возможность учиться в духовной академии.

На Московском соборе 8 сентября 1943 г. кроме решения о восстановлении патриаршества, был принят ряд документов, один из которых — «Осуждение изменников вере и отечеству» — непосредственно затрагивал статус духовенства, служившего на оккупированных территориях СССР. Епископы, пресвитеры и миряне, входившие в отношения с оккупационной администрацией для ведения церковной работы, названные в соборном документе «приспешниками фашистов», подвергались строгому церковному суду: «Всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана» [*Осуждение*, 4]. В первую очередь это «Осуждение» было направлено против экзарха Прибалтики Сергия (Воскресенского) и членов Псковской православной миссии. Весьма примечательно, что псковские миссионеры после возвращения из мест заключения в 1956–1957 гг. в своем большинстве продолжали служение в храмах Ленинградской, Псковской, Новгородской епархий, на приходах в Латвии, Эстонии и Литвы. Не известно ни одного случая, когда клирикам, служившим в оккупации, предъявляли требования о покаянии и восстановлении канонического единства с официальной церковью. Тем более, что весь период оккупации и Прибалтийский экзархат, и Псковская миссия сохраняли юрисдикционное единство с Московской патриархией. Такую двойственную ситуацию можно объяснить лишь тем, что «Осуждение» от 8 сентября 1943 г. было не церковным, а политическим документом, который так и остался формальной декларацией пропагандистского характера. Возможно, выпуск столь противоречивого послания был одним из условий для проведения собора и выборов патриарха Сергия.

Благодаря открытым документам и воспоминаниям осужденных клириков хорошо известно, что вернувшиеся из мест заключения псковские миссионеры не всегда и не сразу получали возможность начать церковное служение из-за противодействия уполномоченных Совета по делам РПЦ⁵. В случае с о. Ливерием эти

5. Протоиереи Николай Шенрок, Георгий Тайлов, Константин Шаховской.

3. Православные иерархи, сотрудники ОВЦС и протестантские делегаты (начало 1970-х гг.). В центре стоят прот. Ливерий Воронов и протопр. Виталий Боровой.

сдерживающие факторы также проявились. После освобождения Воронов не смог тотчас получить место в Ленинграде, но почти два года служил в Вологде при архиеп. Гаврииле (Огородникове), который был известен характером твердым и даже отчасти независимым в отношениях с Советом по делам РПЦ.

В Ленинградской духовной академии и Отделе внешних церковных сношений

После того как в июне 1961 г. Ливерий Аркадьевич окончил Ленинградскую духовную академию со степенью кандидата богословия, ему предложили остаться в качестве преподавателя и профессорского стипендиата. Еще раньше — 21 марта 1961 г. Воронов был возведен в сан протоиерея. В то время правящим Ленинградским епископом был митр. Гурий (Егоров), а во главе академии стоял профессор прот. Михаил Сперанский.

С 12 сентября 1962 г. прот. Ливерий Воронов был приглашен на работу в Отдел внешних церковных сношений Московской патриархии. С этого времени о. Ливерий находился под началом

митр. Никодима (Ротова), одного из наиболее ярких и энергичных епископов 1960–1970-х годов. Известно, что на Поместном соборе 1971 г. некоторые его участники высоко оценивали шансы митр. Никодима на патриаршество. Как пишет один из воспитанников прот. Ливерия, после обучения в академии о. Ливерий был «замечен, возвышен и обласкан» митр. Никодимом. Нередко именно о. Ливерий готовил проекты зарубежных выступлений для митр. Никодима. При этом «...владыка не подавлял творческую инициативу талантливого протоиерея, и тот писал на ту же тему содоклады, а затем вместе с митрополитом выезжал на очередную международную конференцию» [Августин, 177]. Протоиерей Ливерий активно участвовал в православных и экуменических комиссиях, конференциях, конгрессах и съездах. На 3-й сессии II Ватиканского собора о. Ливерий присутствовал в качестве наблюдателя от РПЦ МП.

В октябре 1963 г. патрон о. Ливерия по ОВЦС митр. Никодим был возведен на Ленинградскую кафедру и пребывал на ней до своей кончины 5 сентября 1978 г. Будучи ленинградским архиереем митр. Никодим заботился о духовных школах северной столицы, хотя формально не был ректором ЛДА. Как отмечает М. В. Шкаровский, особенно важным было участие митр. Никодима в делах академии в период антирелигиозной кампании при Хрущеве, когда над Ленинградской духовной школой нависла угроза закрытия [Шкаровский 1999, 377].

Весьма примечательно, что карьера прот. Ливерия Воронова в ОВЦС завершилась 22 февраля 1973 г., вскоре после того, как на место митр. Никодима был поставлен митрополит Тульский и Белевский Ювеналий. По воспоминаниям очевидцев прот. Ливерий был человеком осторожным и одновременно категоричным в том, что касалось его убеждений и опыта церковной жизни и преподавания в духовной школе. В какой-то момент митр. Никодим намеревался «...ввести о. Ливерия в руководящие органы Всемирного совета церквей», однако прот. Ливерий, участвуя в зарубежной пресс-конференции позволил себе решительное заявление о враждебном отношении атеистов-коммунистов к христианам в СССР. Такая смелость священника не прошла мимо внимания органов, поэтому для работы в ВСЦ был направлен другой сотрудник ОВЦС, прот. Виталий Боровой, который «умел высказывать ту же мысль, но не в такой резкой форме» [Августин, 177–178].

Инцидент с эфиопским студентом

Принципиальность профессора прот. Ливерия Воронова проявлялась и в других ситуациях. Одна из них привела к конфликту, который послужил поводом для его увольнения из состава ОВЦС⁶.

19 февраля 1973 г. епископ Тихвинский Мелитон, ректор Ленинградской духовной академии, в своем пространном рапорте на имя митр. Ювеналия, председателя ОВЦС, изложил сведения о «нетактичном поступке» профессора и члена Отдела ВЦС прот. Ливерия Воронова. На открытом заседании Совета ЛДА 16 февраля 1973 г. проходила защита профессорским стипендиатом из Эфиопии архим. Абба Хабте Селассием Тесфа письменного труда на соискание ученой степени магистра богословия. Представленная на защиту работа называлась «Синаксарь Эфиопской Православной Церкви». Рецензенты, проф. Н. Д. Успенский и проф. Н. А. Заболотский, в своих отзывах дали положительную оценку предложенному сочинению и в своих выступлениях подтвердили то, что соискатель заслуживает ученой степени магистра богословия. Судя по отчету ректора, соискатель на защите держался весьма уверенно: «Автор прекрасно защищал свой труд и давал убедительные ответы на все поставленные ему вопросы» [Личное дело, 19–20]. После процедуры тайного голосования ректор объявил результаты защиты и поздравил соискателя с присуждением ученой степени магистра богословия. Неожиданно для всех присутствующих с резким протестом выступил прот. Ливерий Воронов, заявив, что ректор оговорился и следует «...присудить степень просто магистра без упоминания „богословия“. Он заявил также, что присваивая степень „магистра богословия“ представителям других конфессий, мы тем самым изменяем Православию и что он с этим не согласен и снимает свой голос» [Личное дело, 20]. Митрополит Никодим, также присутствовавший на защите эфиопского соискателя, пытался убедить прот. Ливерия в том, что его доводы против присуждения ученой степени не принципиальны. Во-первых, по уставу Московского патриархата иной степени магистра, кроме магистра богословия не существует. Во-вторых, в истории духовных школ есть не однократные примеры, когда

6. Среди документов, которые будут использованы в воссоздании этой истории, доступна только переписка архиереев — митр. Ювеналия (Пояркова), председателя ОВЦС, и ректора ЛДА еп. Мелитона (Соловьева). К сожалению, в архиве не со-

хранились свидетельства самого прот. Ливерия. Этот факт осложняет объективное восстановление происшедшего, оставляя некоторые лакуны в области мотивации поступка профессора ЛДА.

ученые степени магистра и доктора богословия присуждались соискателям иных конфессий и никаких возражений это не вызвало. На это высказывание митр. Никодима прот. Ливерий отреагировал с горячностью и уверенно отстаивал свою точку зрения, «...подчеркивая неправославие Эфиопской церкви». Дискуссия епархиального архиерея и профессора ЛДА происходила в присутствии диссертанта, других студентов иностранцев и всех собравшихся на защиту в актовом зале. Как отмечает автор рапорта, «несомненно, такая полемика привела в смущение всех» [Личное дело, 20].

Для дальнейшего обсуждения диссертационного исследования члены совета удалились в профессорскую, где, как пишет ректор ЛДА, «о. Ливерий позволил себе снова вступить в пререкания с Владыкой-Митрополитом и усиленно старался подчинить своему мнению членов Совета» [Личное дело, 20]. Профессора Воронова пытались урезонить, в том числе напоминая, что он ранее не выступил против присуждения степени кандидата богословия Аббе Хабту Селласие Тесфу, а также не возражал в случае присвоения степени кандидата богословия иным ранее учившимся в академии студентам-эфиопам. Почему же теперь он не желает уступить в случае со степенью магистра богословия?

Наконец, еп. Мелитон отмечает, что

на последнем закрытом заседании Совет Академии, принимая во внимание, что труд архим. Аббе Хабте Селлассия Тесфа далеко превосходит рамки труда магистерского и по совокупности с ранее напечатанными им в разных богословских журналах богословскими статьями постановил присудить ему ученую степень доктора богословия *honoris causa* [Личное дело, 21].

Однако профессор-протоиерей Ливерий Воронов вновь категорично высказал свое несогласие, расценивая это как «измену Православию» [Личное дело, 21].

Копия этого рапорта легла на стол Ленинградского митрополита Никодима, но судьба «своенравного» профессора должна была решаться в Москве. Вопрос был решен молниеносно — через три дня после написания рапорта, т. е. 22 февраля 1973 г., святейший патриарх Пимен освободил профессора прот. Ливерия Воронова от должности члена Отдела внешних церковных сношений. Поведение прот. Ливерия на защите эфиопского диссертанта было квалифицировано как несовместимое с должностью члена ОВЦС. Это была не единственная дисциплинарная мера, последовала

реакция по линии духовного образования. Еще через день на рапорте митр. Никодима рукой святейшего патриарха была положена следующая резолюция: «23.11.73. прот. Ливерий Воронов освобождается от должности члена Учебного Комитета. Членом Учебного Комитета назначается протоиерей Владимир Сорокин» [*Личное дело, 23*].

Неуступчивость профессора прот. Ливерия Воронова привела к международному скандалу, отзвуки которого докатились до патриархии. Даже митр. Никодим, питавший к прот. Ливерию искреннее почтение, очень дороживший своим подчиненным и учителем одновременно, не смог спасти его от неприятностей. К тому же, председателем ОВЦС был на тот момент митр. Ювеналий, а значит кадровые перестановки при новом председателе в отделе были практически неизбежны.

Попробуем высказать некоторые гипотезы, которые помогут нам разобраться в причинах скандальной защиты эфиопского соискателя. Во-первых, не следует забывать, что Эфиопская православная церковь принадлежит к семье древних восточных дохалкидонских православных церквей, признающих авторитет только трех первых Вселенских соборов. РПЦ МП и Эфиопская церковь, несмотря на дружественные отношения, находятся вне евхаристического общения. Казалось бы, формально прот. Ливерий был прав, однако известно, что митр. Никодим (Ротов) прилагал усилия для сближения с дохалкидонитами на всеправославном уровне, а также с особой теплотой приветствовал обучение эфиопских студентов в Ленинградской духовной академии. В Крестовой церкви, расположенной в покоях митрополита, эфиопские священники и дьяконы из числа студентов ЛДА совершали литургию по своему обряду [*Шкаровский 2016, 115*]. Правда упоминаний о том, что в совершении «африканских» литургий принимал участие ленинградский архиерей или ему подведомственный клир, не найдено.

Следует особенно остановиться на внешнеполитических причинах, повлиявших на открытие в ЛДА в 1963–1964 учебном году факультета иностранных студентов, на который были приглашены студенты из африканских стран. Современный петербургский исследователь считает, что роль митр. Никодима в этом проекте явно преувеличена, поскольку он был назначен на Ленинградскую кафедру 9.10.1963 г., когда факультет уже начал свою работу [*Галкин, 228–229*]. М. В. Шкаровский связывает укрепление межконфессиональных связей в стенах ЛДА с именем митр. Никоди-

ма и провозглашением в 1962 г. независимости Уганды. Именно из Уганды и Кении осенью 1963 г. приехали юноши-христиане для получения духовного образования в северной столице. Однако «пальма первенства» в прорыве идеологической блокады на попроще межхристианского общения РПЦ МП с представителями Африки принадлежит Эфиопии. Еще в 1959 г. император Эфиопии Хайле Селассие I посетил СССР и 12 июля был принят патриархом Московским и всея Руси Алексием (Симанским) в резиденции в Чистом переулке. Именно эта встреча послужила толчком к дальнейшему развитию отношений РПЦ МП и Эфиопской православной церкви. Как пишет английский исследователь Тобиас Руппребхт, не менее 25 студентов из Эфиопии получили духовное образование в Советской России. При этом, завершив учебу и вернувшись на родину, они получали хорошую возможность для карьерного роста. Среди таких выпускников Руппребхт упоминает и знакомое имя — Абба Хабте Селассие, который после получения диплома ЛДА занял в Эфиопии должность «...начальника Отдела внешних связей Эфиопской православной церкви» [Руппребхт].

Если английский исследователь пишет о том самом архимандрите, защиту которого в феврале 1973 г. отказался признавать профессор прот. Ливерий Воронов, то многое встает на свои места. Скорее всего, вопрос о присуждении магистерской, а возможно и докторской, степени богословия эфиопскому соискателю обсуждался на самом высоком уровне за стенами ЛДА, а потому никаких сюрпризов для будущего высокопоставленного чиновника церковных дел в академии быть не могло. Можно сказать, что определенную заинтересованность в африканских студентах проявляла не только Московская патриархия, но и советские органы. После смены руководства в Кремле в начале 1965 г. председатель Совета по делам религий В. А. Куроедов обратился в ЦК КПСС с предложением о развитии связей с христианскими церквями африканских стран, для чего необходимо ежегодно приглашать в СССР на учебу в духовные школы РПЦ МП по 15 человек, в том числе студентов из Эфиопии [Шкаровский 2016, 137].

Трудно предположить, что о. Ливерий, человек весьма искушенный и острожный, не понимал, на какой шаг он идет, вызывая скандал международного уровня. Говоря современным языком, его твердость можно расценить как неполиткорректность и даже сопоставить с нарушением принципа расового равноправия. Однако здесь вполне возможно банальное объяснение позиции

4. Профессор прот. Ливерий Воронов (1970-е годы).

профессора — низкий уровень сочинения, предложенного к защите соискателем. Трудно заподозрить прот. Ливерия Воронова в некомпетентности. К этому времени он уже более семи лет был профессором догматического богословия и четыре года заведующим кафедрой Богословских наук. Несмотря на активные труды в ОВЦС, сам о. Ливерий считал себя в первую очередь ученым и преподавателем, а значит ответственным за своих учеников и выпускников духовной школы, невзирая на дипломатические соображения и международный этикет.

Особо стоит отметить, что митр. Никодим после этих бурных событий и отставки прот. Ливерия из числа сотрудников ОВЦС не изменил к нему своего почтительного отношения. Через год (4.02.1974) в день 60-летия о. Ливерия митр. Никодим прислал неформальное теплое поздравление [*Личное дело*, 24]. Очень скоро пришло время для подтверждения своих слов делом.

Отношения с «Журналом Московской Патриархии»

В довольно сложную ситуацию прот. Ливерий попал в апреле 1974 г., о чем свидетельствуют архивные документы. На светлой седмице (17.04.1974 г.) прот. Ливерий Воронов получил телеграмму из Москвы за подписью архиеп. Питирима (Нечаева), занимавшего пост председателя издательского отдела Московского патриархата: «Просим Вас позвонить архиепископу Питириму в редакцию завтра восемнадцатого до 12 часов дня» [*Личное дело*, 26]. На следующий день о. Ливерий отправился на переговорный пункт и заказал телефонный разговор с Москвой. Архиепископ Питирим просил проф. Воронова составить для него два доклада на богословские темы, с которыми он планировал выступить на международной христианской конференции в г. Упсала в августе месяце. Также архиепископ предложил прот. Ливерию принять участие в разработке статьи для новой редакции Служебника, которая должна была заменить устаревшее «Известие учительное». Воронов попросил время для размышления и обещал написать архиеп. Питириму письмо, отметив однако, что «...хотя личная встреча и была бы желательной, но теперь мне не так легко организовать свою поездку в Москву» [*Личное дело*, 29]. Собеседник Воронова заверил, что редакция ЖМП возьмет на себя все издержки, связанные с поездкой, и просил приехать в Москву 24 апреля.

Вернувшись домой, о. Ливерий тут же написал письмо на имя владыки Питирима и отправил его без промедления в надежде, что за 2–3 дня оно преодолет расстояние между Ленинградом и Москвой и попадет в руки адресата. Письмо Воронова сочетает в себе искусство дипломатии и твердость в принятии решения, которое, как прекрасно понимал автор, не могло обрадовать архиеп. Питирима. Для более четкого представления позиции прот. Ливерия Воронова приведем содержание письма целиком.

Ваше Высокопреосвященство! Дорогой Владыка Питирим!

Взвесив все возможности и обстоятельства, я счел себя обязанным без промедления послать Вам настоящее письмо с ответом на вопросы, затронутые Вами во время телефонного разговора, состоявшегося 18 апреля с. г. Но прежде всего позвольте, хотя и с некоторым запозданием, от души поздравить Вас, как Председателя Издательского отдела Московского Патриархата и главного редактора «ЖМП», с заслуженной Вами патриаршей наградой по случаю тридцатилетия выхода «ЖМП» и пожелать Вам дальнейших успехов в многотрудном ответственном служении Вашем. Я глубоко тронут Вашим вниманием ко мне, ибо в сделанном Вами предложении усматриваю выражение доброты и благорасположения, соединенных с доверием к моим скромным способностям.

К сожалению, не могу ответить положительно. 4 февраля 1974 года мне исполнилось 60 лет, а здоровье мое за последний год значительно ослабло, особенно после того как по линии ОВЦС МП я стал «фигурой нон грата». Преподобней энергии уже нет, а остатки моих сил и способностей я чувствую себя обязанным посвятить моей родной духовной академии. Таким образом, мой приезд в Москву в среду 24 апреля становится излишним, и я прошу не беспокоиться в отношении приобретения для меня железнодорожного билета.

Еще раз искренне благодарю за внимание.

С неизменным глубоким уважением к Вам,
профессор протоиерей Ливерий Воронов.

18.04.1974. [*Личное дело, 27*].

Казалось, вопрос был улажен и прот. Ливерий не стал повторно звонить в Москву и беспокоить архиепископа. Однако 3 мая он получил письмо «...с выражением какого-то неудовольствия или обиды» от имени архиеп. Питирима, подписанное заведующим административно-хозяйственной частью редакции ЖМП В. В. Елисеенко, датированное 29 апреля [*Личное дело, 29*]. Судя по содержанию письма, Владыка Питирим рассчитывал на личную встречу с о. Ливерием в Москве, а письмо с отказом не пришло вовремя — или не было доставлено почтой, или не передано сотрудниками отдела. Как бы то ни было, архиеп. Питирим выразил свое сожаление о том, что профессор ЛДА не прибыл в Москву к условленному дню, а также не нашел возможности сообщить о препятствиях к поездке с помощью телеграфного сообщения. Обратный билет из Москвы в Ленинград и номер в гостинице для прот. Ливерия были заказаны. Завершалось письмо недвусмысленным пассажем: «Архиепископ Питирим надеется, что проис-

шедшее не является выражением Вашего нежелания сотрудничать в разработке богословских тем» [Личное дело, 28].

В этих словах слышится не столько надежда на сотрудничество, сколько скрытое оповещение о тех сложностях, которые могут возникнуть у несговорчивого профессора с публикацией материалов в изданиях Московской патриархии. Действительно, через влиятельного архиеп. Питирима как председателя издательского отдела МП проходили все материалы для публикаций в ЖМП, поэтому о. Ливерий рисковал оказаться в «черном» списке издательства. Следует отметить, что к середине 1980-х годов список научно-богословских трудов о. Ливерия превысил 130 наименований, многие из них были представлены на страницах изданий Московской патриархии.

Опасаясь последствий недопонимания и «праведного» архиерейского гнева владыки Питирима, о. Ливерий тотчас взялся за составление письма митрополиту Ленинградскому Никодиму (Ротову), в котором довольно подробно изложил суть конфликта и приложил все документы, поясняющие нюансы этой истории (телеграмма архиеп. Питирима, памятка по содержанию телефонного разговора, копия письма на имя архиеп. Питирима, отношение из Москвы за подписью заведующего административно-хозяйственной частью редакции Елисеенко) [Личное дело, 30].

В письме своему патрону прот. Ливерий пояснял, что «...не предполагал говорить о просьбе Владыки Питирима... полагая, что Владыке Питириму это могло бы быть неприятно». К тому же Воронов был уверен, что после отправки личного письма в Москву, в котором он четко выразил свое отношение к просьбе председателя Издательского отдела, вопрос можно было бы считать разрешенным. Столкнувшись с тем разочарованием и неприятием, которые сквозили в письме архиеп. Питирима, прот. Ливерий Воронов поспешил заручиться поддержкой своего архиерея. Последний абзац этого послания невозможно не процитировать:

Прошу Вас, дорогой Владыко, извините меня за сообщение Вам вещей, которые, возможно, Вы сочтете Вас совсем не касающимися. Но мне хотелось, чтобы Вы знали о происшедшем, поскольку я действовал не просто как богослов, но и как священнослужитель, состоящий в клире Митрополита Ленинградского и Новгородского, сообразуя свое поведение с Вашим указаниями, советами и волей.

Искренне Ваш проф. протоиерей Л. Воронов.

03.05.74 г. [Личное дело, 29].

За годы совместных трудов в ОВЦС прот. Ливерий хорошо изучил характер и принципы митр. Никодима, потому его письмо достигло цели. Ленинградский архиерей занял сторону профессора и поддержал его поступок личной визой: «Я думаю, что отец Ливерий Воронов поступил вполне правильно». По-видимому, это было вполне надежной гарантией защиты клирика и сотрудника от сторонних притеснений. Об этом о. Ливерий был извещен специальной бумагой от 16 мая 1974 г. за подписью секретаря митрополита Ленинградского и Новгородского прот. Бориса Глебова.

Скудность исторических источников не позволяет нам основательно исследовать этот вопрос и определить, насколько устойчивым оставалось положение профессора прот. Ливерия Воронова в ЛДА после кончины митр. Никодима. Однако сложностей в отношениях с издательством ЖМП о. Ливерию не удалось избежать. За все годы своего служения он в основном публиковался в «Журнале Московской Патриархии», в «Богословских трудах» и «Вестнике Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата». Наибольшая активность в сотрудничестве с ЖМП приходится на 1963–1970 гг., с «Богословскими трудами» на 1971–1973 гг., с «Вестником» на 1982–1985 гг. При этом перерыв в публикациях статей о. Ливерия в ЖМП приходится на период с 1974 по 1979 гг., т. е. сразу после размолвки с председателем Издательского отдела архиеп. Питиримом.

В следующем 1975 г. прот. Ливерий Воронов по представлению митр. Никодима был награжден орденом св. равноапост. князя Владимира 2-й степени. На святки 1975 г. о. Ливерий получил грамоту с подписью патриарха Московского и всея Руси Пимена [*Личное дело*, 31]. Однако вслед за радостью поощрения и признания важности трудов на ниве духовного образования, в первую очередь правящим архиереем, пришло время волнений и горечи. По обычаю в ЖМП в особом разделе «патриаршие награды» помещались списки награжденных клириков, однако имя прот. Ливерия в этот перечень, опубликованный в № 5, не попало, а в № 6 такой раздел отсутствовал. Для уточнения этой ситуации 2 сентября 1975 г. о. Ливерий Воронов вновь обратился за помощью к митр. Никодиму, не скрывая своих опасений, что здесь явный признак интриги со стороны Издательского отдела:

Не решаясь просить каких-либо разъяснений по этому поводу в Издательском отделе Московского Патриархата, где, как видимо, я уже довольно дав-

но рассматриваюсь как «персона нон грата», дерзаю просить Ваше Высокопреосвященство о следующем: не найдете ли Вы возможности выяснить вопрос о том, буду ли я вообще удостоен оказаться в помещенном на страницах ЖМП списке лиц, награжденных Его Святейшеством? [*Личное дело, 31*]

На это обращение митр. Никодим ответил успокаивающей резолюцией: «Я не сомневаюсь, что о награждении о. Ливерия будет сообщение в следующем N журнала, но выяснить этот вопрос я постараюсь»⁷ [*Личное дело, 32*].

После кончины своего покровителя профессор прот. Ливерий Воронов был еще не раз удостоен церковных наград. К 70-летию он был награжден орденом прп. Сергия второй степени, а в октябре 1990 г., ко дню престольного праздника духовной академии, о. Ливерий был удостоен особого награждения — права служения божественной литургии с отверстыми царскими вратами до молитвы Господней «Отче наш» [*Личное дело, 36*].

Последние годы жизни

В сентябре 1987 г. профессор прот. Ливерий Воронов обратился к правящему епископу митр. Алексию (Ридигеру) с письмом-прошением об освобождении от поездок за границу в связи с резким ухудшением состояния здоровья. В последней части прошения о. Ливерий четко обосновал свою просьбу тем, что главным его делом были и остаются преподавание и труды в ЛДА:

Мне скоро исполнится 74 года, и состояние здоровья ясно убеждает меня, что я уже вступил в то время своей жизни, когда сильно дают себя знать «труд и болезнь». И потому отныне весь уже небольшой остаток своих сил я хотел бы полностью посвятить родной Академии, ибо здесь — мое основное призвание и мое любимое дело [*Личное дело, 35*].

Можно предположить, что архиеп. Алексий пошел навстречу просьбе проф. Воронова, которого не только уважал, но с которым, возможно, был давно знаком. Не исключено то, что Алеша и его папа прот. Михаил Ридигер, в годы немецкой оккупации

7. В «Журнале Московской Патриархии» № 12 за 1975 г. в разделе «патриаршие награды» в списке награжденных орденом св. равноапост. князя Владимира первым указано имя прот. Ливерия Воронова (указ о награждении подписан 02.01.1975).

служивший в Таллине, встречались и общались с о. Ливерием в период с февраля по октябрь 1944 г., в то время, когда семейство Вороновых после эвакуации из Гдовского района находилось в столице Эстонии.

Следует отметить, что помимо участия в богословских и экуменических комиссиях, прот. Ливерий был постоянным членом Комиссии по подготовке и проведению празднования 1000-летия крещения Руси. В апреле 1989 г. о. Ливерия пригласили в Комиссию по канонизации святых, а также в Комиссию по изучению материалов о репрессированных в советский период духовных лицах и мирянах РПЦ. Можно сказать, что прот. Ливерий Воронов оказался у истоков исследования и прославления подвига новомучеников и исповедников Российской церкви в постсоветской России. Показательно, что лично о. Ливерий был реабилитирован только в 1992 г.

Несмотря на многие дела и служения, точкой приложения основных усилий Ливерия Аркадьевича до последних дней оставалась духовная академия. Его образовательная педагогическая деятельность в духовных школах Ленинграда — Санкт-Петербурга продолжалась без малого 35 лет. Из них 27 лет в качестве заведующего кафедрой Богословских наук (с момента ее образования) и 30 лет в звании профессора. На закате дней о. Ливерий из-за тяжелой болезни не покидал стен духовной академии, которая стала для него в прямом смысле родным домом. Будучи связан узами физической немощи, он продолжал участвовать в жизни духовной школы, в том числе до последнего проводил занятия со студентами семинарии и академии, не выходя из своей комнаты — он читал лекции и проводил семинары, сидя в постели [*Рассказовский, 59*].

Последние документы из архивного дела Санкт-Петербургской епархии затрагивают постсоветский период жизни прот. Ливерия. В мае 1993 г. умерла верная спутница жизни и служения о. Ливерия матушка Екатерина Вассиановна (они прожили вместе более 53-х лет, невзирая на 10-летнее пребывание о. Ливерия в заключении). В эти скорбные дни Ливерий Аркадьевич проявил себя не только любящим, но выдержанным и одновременно настойчивым человеком. Он хлопотал о том, чтобы получить разрешение о погребении матушки в закрытом секторе Волкова кладбища, называемом «Литераторскими мостками», где имеется небольшой участок, примыкающий к церкви Воскресения Христова, — там хоронили не литераторов, а священнослужите-

лей и церковнослужителей этого храма. Среди этих захоронений особо выделена территория родовых могил Быстровых-Преображенских, где покоятся останки дедушки и бабушки о. Ливерия по материнской линии — священника Дмитрия Николаевича Быстрова и Марии Ивановны Быстровой, которые были родителями архиеп. Феофана (Быстрова). Основываясь на этом родстве, прот. Ливерий обратился за поддержкой к правящему епископу митрополиту Ленинградскому и Ладожскому Иоанну (Снычеву). Владыка Иоанн в свою очередь написал 6 мая 1993 г. письмо мэру Санкт-Петербурга А. А. Собчаку и передал просьбу «старейшего профессора Санкт-Петербургской духовной академии, доктора богословия прот. Ливерия Воронова» [*Личное дело*, 39]. Вопрос о захоронении Екатерины Вассиановны, почившей 7 мая, был рассмотрен заместителями мэра, при этом чиновниками мэрии были даны две противоречащих друг другу резолюции. Чтобы уладить это дело, в мэрию направился родственник о. Ливерия прот. Николай Преображенский. Он смог встретиться с вице-мэром Санкт-Петербурга Щербаковым и убедить его в обоснованности просьбы своего тестя. Итогом этих переговоров стала резолюция вице-мэра: «Прошу, в порядке исключения, решить вопрос положительно. Оснований для этого, по моему мнению, достаточно» [*Личное дело*, 44].

Заручившись поддержкой высокопоставленного чиновника, академия начала готовить место для погребения на участке «Литераторских мостков». Однако внезапно в эту историю вмешалась заведующая филиалом государственного музея городской скульптуры «Литераторские мостки» Н. Я. Линникова. Она выступила с категорическим протестом против готовящихся похорон на подведомственной ей музейной территории, сославшись на телефонный разговор с Собчаком, который запретил похороны на территории музея-некрополя и отменил положительную резолюцию вице-мэра, полученную накануне [*Личное дело*, 44].

В тот же день 9 мая прот. Ливерий Воронов приехал к митр. Иоанну, который в свою очередь позвонил мэру чтобы прояснить ситуацию. После краткого приветствия епископ передал трубку для объяснения самому просителю. Вот так немного позже о. Ливерий описал краткий телефонный разговор с А. А. Собчаком:

Анатолий Александрович спросил меня, есть ли у архиепископа Феофана прямые наследники? Я ответил, что архиепископ Феофан, известный подвижник и затворник, был монахом-девственником, и потому не имел детей.

5. Крест захоронения прот. Ливерия и Екатерины Вороновых на «Литераторских мостках» на Волковском кладбище Санкт-Петербурга.

Родители же его священник Дмитрий Николаевич Быстров и Мария Ивановна Быстрова скончались давно и похоронены на родовом участке Быстровых-Преображенских. Тогда А. А. Собчак спросил меня: кем я являюсь по отношению к архиепископу Феофану? Я ответил, что я его родной племянник, сын его сестры Веры Дмитриевны (в девичестве Быстровой). А. А. Собчак спросил меня: Как родовые могилы Быстровых-Преображенских оказались на территории «Литераторских мостков». Я ответил и на этот вопрос. Тогда мэр Санкт-Петербурга А. А. Собчак сказал: Хорошо, я сейчас распоряжусь,

чтобы просьба о захоронении супругов Вороновых рядом, на месте захоронения их предков (о чем ходатайствует митрополит Иоанн) была исполнена [*Личное дело, 44*].

Тотчас все трудности завершились, и на следующий день 10 мая состоялось погребение Екатерины Вассиановны Вороновой среди родовых могил Быстровых-Преображенских.

После этого прот. Ливерий, имея твердое желание упокоиться рядом с матушкой, хлопот не оставил, поскольку у него были сомнения, «не возникнут ли вновь какие-то препятствия в будущем, когда вопрос станет о захоронении меня проф. протоиерея Ливерия Воронова, когда Господь призовет меня к Себе» [*Личное дело, 44*]. Опасения не были беспочвенными, ведь положительный ответ мэром был дан в устном виде, а положение властей, и церковных, и светских, даже на веку о. Ливерия менялось неоднократно. Возможно, это была последняя просьба профессора к правящему епископу, касающаяся устройства его личных дел, хотя уже и выходящих за рамки жизненного пути. Прот. Ливерий в письме в адрес помощника митр. Иоанна просит заручиться письменным распоряжением государственных чиновников:

...прошу Вас, дорогой о.Симон⁸, а через Вас и Владыку Митрополита испросить у Мэра г. Санкт-Петербурга Анатолия Александровича Собчака *письменное разрешение* того, о чем было передано соответствующим исполнителям устно, то есть положить на Письме Митрополита *резолуцию: Разрешается захоронение на участке родовых могил Быстровых-Преображенских на территории «литераторских мостков»* [*Личное дело, 44*].

Кто знал тогда, в июне 1993 г., что прот. Ливерий Воронов переживет митр. Иоанна на месяц с небольшим. Митрополит Ленинградский Ладожский Иоанн внезапно скончался 2 ноября, а о. Ливерий упокоился вечером в канун дня памяти святой великомученицы Екатерины 6 декабря 1995 г. Воля почившего профессора прот. Ливерия Воронова была исполнена, и его тело было погребено на «Литераторских мостках» рядом с могилой забытой матушки Екатерины.

8. Архимандрит Симон (Гетья), с августа 1990 г. личный секретарь митрополита Ленинградского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Заключение

Завершая этот скромный опыт описания эпизодов из биографии прот. Ливерия Воронова, следует отметить показательный факт, что прот. Ливерий в своей церковной жизни был тесно связан с двумя выдающимися епископами «сергианами» — митр. Сергием (Воскресенским) и митр. Никодимом (Ротовым). Первый рукополагал Воронова в оккупированном Пскове во пресвитера и благословил начало его священнического пути; второй приблизил к себе и привлек о. Ливерия к трудам в Отделе внешних церковных сношений, сделав священника-богослова с лагерным прошлым одной из ключевых фигур на международной арене церковных отношений. Два периода, с которыми была связана деятельность названных архиереев, были весьма сложными для РПЦ, и в каком-то смысле о. Ливерий оказался и в 1940-е, и в 1960-е годы на передовой церковной политики, связанной не только с поиском стратегии выживания, но и с обретением возможности открытого служения. Конечно, епископы и священники, действовавшие в рамках «сергианской» парадигмы отношений церкви и государства, не могли избежать компромиссов. Однако в каких-то случаях эти компромиссы и определенный конформизм позволяли приобрести для церкви новые возможности для служения и укрепления позиций в секулярном обществе.

Не стремясь к идеализации прот. Ливерия Воронова, мы должны отметить его твердость и принципиальность в том, что касалось его призвания и служения. Оправдывая свое имя, о. Ливерий, прожив большую часть в условиях крайней несвободы, стремился к внутренней свободе, которая выражалась в вере и творчестве. Это проявилось на допросах 1944–1945 гг., когда Воронов не поддался давлению следствия и отказался признавать вину в антисоветской деятельности и коллаборационизме. Это отразилось и в его принципиальной позиции, связанной с защитой диссертации иностранного студента в ЛДА, и в той твердости, которую он проявлял в общении с церковной иерархией и церковными чиновниками самого высокого уровня. Такая последовательность и верность своему выбору не сулили легкой жизни — в 1945 г. о. Ливерий был осужден на 15 лет лагерей, а в 1973 г. был уволен из состава ОВЦС и Учебного комитета РПЦ МП. Оставаясь аполитичным и скромным человеком, протоиерей-профессор Ливерий Воронов до последних дней жертвенно отдавал себя трудам в духовной академии — преподаванию и общению со студента-

ми. Возможно, именно это стало самым важным в его служении, так как посеянные семена дали всходы, и добрые плоды проявились в его учениках, которые вошли в церковь позднесоветского и постсоветского периодов.

Источники

1. *Личное дело* = Личное дело протоиерея Воронова Ливерия Аркадьевича проф. СПб ДА и С. Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 3(2). Д. 56.
2. *Следственное дело 1* = Следственное дело № 1118–44 в отношении членов Управления Православной Миссии в освобожденных областях России Зайца К. И., Жунда Н. И., Перминова А. Я., Шенрока Н. С., Радецкого Г. И., Воронова Л. А., Амозова И. В. Т. 1. Архив УФСБ РФ по Псковской области. Д. № АА 10676.
3. *Следственное дело 6* = Следственное дело № 1118–44 в отношении членов Управления Православной Миссии в освобожденных областях России Зайца К. И., Жунда Н. И., Перминова А. Я., Шенрока Н. С., Радецкого Г. И., Воронова Л. А., Амозова И. В. Т. 6. Архив УФСБ РФ по Псковской области. Д. № АА 10676.
4. *Следственное дело 7* = Следственное дело № 1118–44 в отношении членов Управления Православной Миссии в освобожденных областях России Зайца К. И., Жунда Н. И., Перминова А. Я., Шенрока Н. С., Радецкого Г. И., Воронова Л. А., Амозова И. В. Т. 7. АУФСБ РФ ПО. Д. № АА 10676.

Литература

1. *Августин* = Августин (Никитин), архим. Церковь плененная. Митрополит Никодим (1929–1978) и его эпоха (в воспоминаниях современников). Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2008. 674 с.
2. *Богослужения* = Богослужения в Феллине для эвакуированных русских // Северное Слово. Ревель. 28.07.1944. № 71 (316). С. 3.
3. *Галкин* = Галкин А. К. Плоды межконфессионального общения при митрополите Ленинградском и Новгородском Никодиме (Ротове) // Вестник СФИ. 2020. Вып. 35. С. 226–247.
4. *Ионов* = Ионов Алексей, прот. Записки миссионера // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2002. Вып. 26–27. С. 228–236.
5. *Кончина прот. Ливерия* = Кончина прот. Ливерия Воронова // Христианское чтение. 1995. № 10. С. 83–86.
6. *Ломагин* = Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. Кн. 1. 2-е изд. Санкт-Петербург : Нева, 2004. 474 с.

7. *Обозный* = Обозный К. П. Некоторые аспекты церковной проблемы лже-священства на примере ситуации временно оккупированных территорий Северо-Запада России в 1941–1944 гг. // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского института. 2013. Вып. 8. С. 63–83.
8. *Осуждение* = Осуждение изменников вере и отечеству. Обращение участников собора епископов в Москве 8 сентября 1943 года // ЖМП. 1943. № 1. С. 16.
9. *Преображенский* = Преображенский Николай, прот. Воронов // Православная энциклопедия. Т. 9. Москва : Православная Энциклопедия, 2005. С. 408–410.
10. *Профессору ЛДА* = Профессору ЛДА прот. Ливерию Воронову — 70 лет // ЖМП. 1984. № 9. С. 25.
11. *Рассказовский* = Рассказовский Сергей, свящ. Протоиерей Ливерий Воронов (некролог) // ЖМП. 1996. № 1. С. 57–59.
12. *Регельсон* = Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. 3-е изд. Москва : Крутицкое подворье, 2007. 640 с.
13. *Руппрехт* = Руппрехт Т. «Африканские братья по вере»: Россия, СССР и их «эфиопская политика» (вторая половина XIX — конец XX века) // Неприкосновенный запас. № 107.2016. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/nekprikosnovennyy_zapas/107_nz_3_2016/article/11998/ (дата обращения: 20.04.2021)
14. *Шкаровский 1999* = Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Москва : Крутицкое патриаршее подворье : Общество любителей церковной истории, 1999. 400 с.
15. *Шкаровский 2016* = Шкаровский М. В. Санкт-Петербургские духовные школы в XX–XXI вв. Т. 2. Санкт-Петербург : СПбДА, 2016. 512 с.

Список сокращений

ЖМП	Журнал Московской Патриархии
ЛДА	Ленинградская духовная академия
ОВЦС	Отдел внешних церковных сношений

К. Р. Obozny

Archpriest Livery Voronov: materials for the biography

The article is devoted to little known episodes from the life and ministry of Professor-Archpriest Livery Voronov. The first part of the study refers to the time when Voronov began his church service on the occupied territory of the Leningrad Region, part

of the Pskov Mission. His church and missionary work ended in Tallinn in October of 1944 with his arrest, prosecution and trial. The accused Voronov, pleaded not guilty on charges of anti-Soviet activities and cooperation with the German secret services but was nonetheless sentenced to 15 years' imprisonment in a correction labour camp. After his release Fr. Livery returned to church ministry and spiritual education. During the difficult time of the anti-religious campaign, he completed his studies and in 1961 started teaching at the Leningrad Theological Academy. At the same time, he began working in the Department of External Church Relations under Metropolitan Nikodim (Rotov). In the early 1970s a series of events occurred which led to the dismissal of Fr. Livery from the Department of External Church Relations and the Educational Committee of the Russian Orthodox Church (the Moscow Patriarchate) and then to a strained relationship with the Publishing Department of the Moscow Patriarchate. As far as possible he found support in these difficulties from Metropolitan Nicodemus. At the same time, Archpriest Liverius was consistent and principled in his ministry in the field of spiritual education and ecclesiastical studies. Until recently, Professor-Archpriest Livery Voronov maintained his loyalty to the academy and his love for his mother Ekaterina Vassianovna. He left a good memory with his students and pupils, and served much to ensure that even under Soviet conditions the Theological Academy of the Northern Capital was the best spiritual school of the Russian Orthodox Church (the Moscow Patriarchate).

KEYWORDS: Professor-Archpriest Livery Voronov, Pskov Orthodox Mission, Leningrad Theological Academy, Metropolitan Nikodim (Rotov), Department of External Church Relations of the Moscow Patriarchate.

References

SOURCES

1. Lichnoe delo protoiereia Voronova Liveriia Arkad'evicha prof. SPb DA i S., *Arkhiv Sankt-Peterburgskoi eparkhii* [Archive of the St. Petersburg Diocese], coll. 1, aids. 3(2), fol. 56 (in Russian).
2. Sledstvennoe delo № 1118–44 v otnoshenii chlenov Upravleniia Pravoslavnoi Missii v osvobodzhennykh oblastiakh Rossii Zaitsa K. I., Zhunda N. I., Perminova A. Ia., Shenroka N. S., Radetskogo G. I., Voronova L. A., Amozova I. V., *Arkhiv UFSB RF po Pskovskoi oblasti* [Archive of the FSB RF for the Pskov Region], v. 1, coll. № AA 10676.
3. Sledstvennoe delo № 1118–44 v otnoshenii chlenov Upravleniia Pravoslavnoi Missii v osvobodzhennykh oblastiakh Rossii Zaitsa K. I., Zhunda N. I., Perminova A. Ia., Shenroka N. S., Radetskogo G. I., Voronova L. A., Amozova I. V., *Arkhiv UFSB RF po Pskovskoi oblasti* [Archive of the FSB RF for the Pskov Region], v. 6, coll. № AA 10676.

4. Sledstvennoe delo № 1118–44 v otnoshenii chlenov Upravleniia Pravoslavnoi Missii v osvobodennykh oblastiakh Rossii Zaitsa K. I., Zhunda N. I., Perminova A. Ia., Shenroka N. S., Radetskogo G. I., Voronova L. A., Amozova I. V., *Arkhiv UFSB RF po Pskovskoi oblasti* [Archive of the FSB RF for the Pskov Region], v. 7, coll. № AA 10676.

LITERATURE

1. Avgustin (Nikitin), archim. (2008). *Tserkov' plenennaia. Mitropolit Nikodim (1929–1978) i ego epokha (v vospominaniiakh sovremennikov)* [The Church in captivity: Metropolitan Nikodim (1929–1978) and his epoch: in memoirs of his contemporaries]. St. Petersburg : S.-Peterburgskogo Universiteta Publ. (in Russian).
2. “Condemnation of traitors to the faith and the fatherland. Address of the participants of the Council of Bishops in Moscow on September 8, 1943”. *Zhurnal moskovskoi patriarkhii* [Journal of the Moscow patriarchate], 1943, n. 1, p. 16 (in Russian).
3. “Divine services in Fellin for evacuated Russians”. *Severnoe Slovo*, Revel', 28.07.1944, n. 71 (316) (in Russian).
4. Galkin A. K. (2020). “The Fruits of Interfaith Communication under the Metropolitan of Leningrad and Novgorod Nicodemus (Rotov)”. *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, 2020, v. 35, pp. 226–247 (in Russian).
5. Ionov Aleksei, archpriest (2002). “Missionary notes”. *Sankt-Peterburgskie eparkhial'nye vedomosti*, 2002, n. 26–27, pp. 228–236 (in Russian).
6. Lomagin N. A. (2004). *Neizvestnaia blokada* [Unknown blockade], v. 1, 2 ed., St. Petersburg : Neva (in Russian).
7. Obozny K. P. (2013). “Some aspects of the church problem of false priesthood on the example of the situation of the temporarily occupied territories of the North-West of Russia in 1941–1944”. *Svet Khristov prosveshchaet vsekh : Al'manakh Sviato-Filaretovskogo instituta*, 2013, v. 8, pp. 63–83 (in Russian).
8. Preobrazhenskii Nikolai, archpriest (2005). “Voronov”, in *Pravoslavnaia Entsiklopediia*, v. 9, Moscow : Pravoslavnaia Entsiklopediia Publ., pp. 408–410 (in Russian).
9. “Professor of the Leningrad Theological Academy, Archpriest Liverii Voronov is 70 years old”. *Zhurnal moskovskoi patriarkhii* [Journal of the Moscow patriarchate], 1984, n. 9, p. 25 (in Russian).
10. Rasskazovskii Sergii, priest (1996). “Archpriest Liverii Voronov (obituary)”. *Zhurnal moskovskoi patriarkhii* [Journal of the Moscow patriarchate], 1996, n. 1, pp. 57–59 (in Russian).

11. Regelson L. (2007). *Tragediia Russkoi Tserkvi 1917–1945* [Tragedy of the Russian Church 1917–1945]. 3 ed. Moscow : Krutitskoe podvor'e (in Russian).
12. Rupprikht T. (2016). “‘African brothers in faith’: Russia, the USSR and their ‘Ethiopian policy’ (second half of the XIX — late XX century)”
Neprikosnovennyi zapas, 2016, n. 107, available at: URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/107_nz_3_2016/article/11998/ (20.04.2021).
13. Shkarovsky M. V. (1999). *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' pri Staline i Khrushcheve* [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev]. Moscow : Krutitskoe patriarshee podvor'e : Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii (in Russian).
14. Shkarovsky M. V. (2016). *Sankt-Peterburgskie dukhovnye shkoly v XX–XXI vv.* [St. Petersburg Theological Schools in the XX–XXI centuries.], v. 2, St. Petersburg : St. Petersburg Theological Academy Publ. (in Russian).
15. “The death of prot. Liverij Voronov”. *Khristianskoe chtenie*, 1995, n. 10, pp. 83–86 (in Russian).